

Терещенко Анна Васильевна

**СЕЛЬКУПСКИЕ КУЛЬТОВЫЕ ТОПОЛЕКСЕМЫ КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ
МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЭТНОСА**

В статье рассматриваются культовые тополексемы селькупского языка. Анализируются культовые лексемы, входящие в состав топонимов. Выявляются возможные причины сакрализации местности. Исследуются мифологические представления селькупов, связанные с "заветными" точками ландшафта. На основании лингвистической, культурной, исторической и этнографической информации реконструируется фрагмент языковой картины мира малочисленного сибирского этноса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2014/8/37.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (86). С. 165-170. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2014/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

DEVELOPMENT OF INSTITUTE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR ACTS ENCROACHING ON SAFETY OF TRAFFIC AND TRANSPORT OPERATION IN CRIMINAL LAW OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA**Tarasov Sergei Vladimirovich***Yelets State University named after I. A. Bunin**tarasov_sv_88@mail.ru*

The article examines the emergence and development of the institute of criminal responsibility for acts encroaching on safety of traffic and vehicles operation in the law of pre-revolutionary Russia. The author studies various legislative acts of the XV-XX centuries and analyzes the norms contained in them establishing responsibility for such acts. On the basis of the conducted studies the author concludes on the comparative youth of the considered criminal law institute, as well as on continuity in the development of criminal law norms on responsibility for acts encroaching on safety of traffic and vehicles operation.

Key words and phrases: violation of safety of traffic and vehicles operation; criminal responsibility; punishment; negligent crimes; criminal law development.

УДК 811.511.2; 811.511.21

Филологические науки

В статье рассматриваются культовые топонимы селькупского языка. Анализируются культовые лексемы, входящие в состав топонимов. Выявляются возможные причины сакрализации местности. Исследуются мифологические представления селькупов, связанные с «заветными» точками ландшафта. На основании лингвистической, культурной, исторической и этнографической информации реконструируется фрагмент языковой картины мира малочисленного сибирского этноса.

Ключевые слова и фразы: исчезающие языки Сибири; селькупский этнос; селькупский язык; топонимы; гидронимы; селькупская культовая лексика; мифология; картина мира.

Терещенко Анна Васильевна*Томский государственный педагогический университет**annadocuments1988@gmail.com***СЕЛЬКУПСКИЕ КУЛЬТОВЫЕ ТОПОЛЕКСЕМЫ КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЭТНОСА[©]**

Целью данной статьи является рассмотрение тополексем, образованных на базе культовой лексики селькупского языка. Материалом исследования послужили селькупские топонимы, зафиксированные в различных гео-диалектных ареалах, что дало возможность выявить их сходство или различие. Анализ топонимов позволил реконструировать древнейшие мифологические воззрения представителей селькупского этноса.

Селькупский язык, являясь одним из языков коренных народов Сибири, принадлежит к самодийской группе уральской языковой семьи. На сегодняшний момент это единственный сохранившийся язык южной ветви самодийской группы [25]. В связи с тем, что селькупский язык находится под угрозой исчезновения, важна не только фиксация его разнообразных языковых средств, но и исследование и реконструкция фрагментов картины мира представителей селькупского этноса через анализ языковых явлений и фактов.

Как уже отмечалось выше, материалом исследования послужили селькупские топонимы, расположенные в различных гео-диалектных ареалах.

В научной литературе встречаются различные диалектные классификации селькупского языка, каждая из которых характеризуется той или иной степенью детализации. Это свидетельствует о том, что в настоящее время не существует единого мнения относительно диалектного членения данного языка. Одна из наиболее подробных классификаций приведена в монографии «Селькупы: очерки традиционной культуры и селькупского языка» [21, с. 49]. Исходя из данной классификации, в селькупском языке можно выделить северную, центральную и южную группы диалектов, что представляет собой тернарную классификацию. Кроме того, в пределах каждой диалектной группы выделяются еще несколько диалектов (или говоров): четыре диалекта в центральной группе (тымский, ваховский, нарымский, васюганский), пять диалектов в южной группе (среднеобский, кетский, чаинский и др.). Северная группа представлена шестью диалектами, причем тазовский и туруханский диалекты рассматриваются как отдельные [Там же, с. 50]. Несколько иной подход к диалектному членению селькупского языка предлагает Е. А. Хелимский [25]. Комбинируя в своей классификации географический и лингвистический принципы, исследователь обращает внимание не только на территориальное расселение групп селькупов, но и на изоглоссы, которые распределяются по ареалам, тем самым ограничивая территории функционирования и распространения того или иного диалекта. Учитывая эти факторы, Е. А. Хелимский [Там же] выделяет пять диалектных групп: тазовско-туруханский, или северный, диалект, включающий в себя среднетазовский, верхнетазовский, верхнетолькинский и елогуйский говоры;

тымский диалект, нарымский диалект, обский и кетский диалекты. В XIX в. существовал еще один – южный (или чулымский) – диалект, практически исчезнувший на настоящий момент [Там же]. Как правило, между селькупскими диалектами нет четких границ, некоторые диалекты могут носить переходный характер. В результате территориально смежные диалекты оказываются относительно близки друг другу, что обеспечивает взаимопонимание их носителей. В данной статье рассматриваются религиозно-культовые топонимы трех диалектов селькупского языка: тазовско-туруханского, тымского и кетского.

Топонимы – одни из наиболее древних пластов лексики, помогающие восстановить черты исторического прошлого народа, определить границы их расселения, очертить области распространения языков, узнать больше о способах ведения хозяйства и организации быта.

Лингвистическая ценность топонимии заключается в исключительной устойчивости географических названий, которые обладают особенностью сохраняться даже при миграции населения. Согласно мнению Я. А. Яковлева, топонимический субстрат можно рассматривать как своеобразную «эстафетную палочку», передаваемую от одного народа к другому [27, с. 36].

Являясь представителями коллективистской культуры, селькупы всегда придавали исключительно важное значение религии и отправлению культа, что, несомненно, повлияло на формирование языковой картины мира этноса. Как отмечает А. К. Морсо-Флорес: «Область религиозного всегда составляла значительную часть всей истории человечества: глубоко проникая в повседневную жизнь народа, она многое в ней определила и сама стала частью национального своеобразия» [12, с. 299].

Актуальность изучения топонимов, образованных на основе селькупской культовой лексики, объясняется тем, что, несмотря на значительное количество работ, посвященных их исследованию, они по-прежнему остаются изученными лишь фрагментарно.

Религия, мифологические представления и культы селькупов привлекали внимание ряда выдающихся исследователей, среди которых следует особо отметить Г. Н. Прокофьева [16], Е. Д. Прокофьеву [17; 18], Г. И. Пелих [13], Е. А. Хелимского [24; 25], В. В. Быконя [7; 8], Э. Г. Беккер [3; 4], А. В. Байдак [1; 2], А. А. Ким [9-11], Н. В. Полякову [14; 15], Н. А. Тучкову [19; 21] и др.

Рассматривая топонимы, образованные на основе культовой лексики, следует обозначить, какой конкретно смысл представители селькупского этноса вкладывали в понятие «культ». В Большом толковом словаре русского языка под редакцией С. А. Кузнецова приводится следующее определение данному понятию: *культ* – 1) религиозное служение божеству и связанные с этим обряды; 2) поклонение кому(чему)-либо; преклонение перед кем(чем)-либо; почитание кого(чего)-либо [6, с. 479]. Пик развития селькупского этноса приходится примерно на XVII-XIX вв. и связан с доминирующей ролью шаманизма как основного этнического культа. По мнению А. А. Ким [9; 10], в науке до сих пор не решен вопрос о том, что из себя представляет шаманизм – религию, форму религии или мировоззрение. Суммируя вышесказанное, сделаем вывод, что культ для селькупов – это совокупность обрядов, производимых либо обычными, но чаще специальными людьми (шаманами), с целью почитания сил природы, воплощенных в виде сверхъестественных существ (духов, демонов, богов, хозяев природных объектов и т.д.) для того, чтобы направить эти силы во благо человека [9, с. 9]. Следовательно, селькупская культовая лексика должна включать следующие классы лексем: обозначения субъектов и объектов культа, или субъектив и объектив культа (шаманы и названия душ); наименования предметов шаманства, названия жертв (инструменталь культа); названия сверхъестественных существ и культовых животных (адессив культа) и т.д. В рамках данной статьи исследуются топонимы и гидронимы, содержащие культовые компоненты, семантика которых перечислена ниже: наименования сверхъестественных существ (черт, шайтан, дух, ворожейская кукла и т.д.), названия культовых животных (на примере медведя и мамонта), обозначения мест жертвоприношений. В качестве отдельной группы рассмотрены топонимы, связанные с обрядом захоронения/погребения, поскольку селькупы наделяли данный ритуал сакральным статусом.

Особая заслуга в изучении селькупских топонимов принадлежит Г. Н. и Е. Д. Прокофьевым [16-18], полевые записи и дневники которых составляют десятки томов. Ими была рассмотрена социальная организация селькупов (род и фратрия), религиозные воззрения селькупов северной (тазовско-туруханской) группы, специфика национального костюма. Э. Г. Беккер [3], один из крупнейших исследователей западносибирской селькупской топонимии, приводит классификацию топонимов, основанную на доминирующем морфологическом признаке, где культовые топонимы представлены лишь в незначительной степени. А. В. Байдак [1], рассматривая лингвокультурную репрезентацию селькупской диады «жизнь-смерть», затрагивает вопрос о культовых и сакральных местах, связанных с погребальным обрядом и посмертным жилищем. Комплексный анализ и классификация селькупской культовой лексики как этнолингвистического источника приведены в диссертационном исследовании А. А. Ким [10] наряду с разграничением понятий «дух» и «душа» в селькупском языке и изучением шаманизма. Н. В. Полякова [14], делая акцент на концепте «пространство» в селькупском языке, анализирует так называемые «заветные» места (согласно терминологии Е. Л. Березович [5, с. 99]) в картине мира селькупского этноса: для исследования привлечены полевые записи, где топонимы рассмотрены в большей степени, чем гидронимы. Этнограф Н. А. Тучкова [21] посвящает ряд работ селькупскому этносу как носителю самобытной культуры; обычаям, традициям, праздникам селькупов. В ее работах топонимы рассмотрены как источники важной исторической (историко-краеведческой) информации, но не с лингвистической точки зрения.

Как видно из сказанного выше, культовые топонимы (особенно гидронимы) в селькупском языке до настоящего момента не были предметом отдельного исследования, что и составляет научную новизну данной статьи.

Подавляющее большинство культовых мест у селькупского этноса составляют естественные природные объекты (реки, озера, болота, леса, горы, холмы, овраги и т.д.), которые, в силу разных причин, были наделены

особым смыслом для селькупов и требовали от человека осторожности, бдительности и соблюдения особых правил при нахождении близ них.

В селькупском языке сакральные топонимы обязательно содержат в своем составе ряд компонентов (лексем), указывающих на связь данного ареала с миром сверхъестественных существ и духов. Следует подчеркнуть, что во всех дальнейших примерах автором используется русскоязычная транскрипция источников по селькупскому языку. Прежде всего, значительную группу культовых мест составляют названия, которые содержат слово *лоз* «черт», «дух» и различные производные от него, например: *лозыль мачи* «лес духов», *лозыль то* «чертово озеро», *лозыль лака* «гора духов». Иногда встречается обобщенное наименование, которое может быть применено для большого ареала, которому селькупы придают особое культовое значение, – *лозыль тэтты* «земля духов».

Согласно данным Е. Д. Прокофьевой [18, с. 67], на священных территориях (чаще всего в лесу) на стволах деревьев селькупы вырубали изображения духов-хозяев этих мест, или так называемых «деревянных шайтанов» *поль поргэ*. Подавляющее большинство таких изображений можно встретить и по сей день в местах проживания селькупов. Высеченные изображения воспринимаются селькупам как идолы, которым необходимо приносить дары и поклоняться. Как правило, изображение сделано в мужском облике, но иногда встречается и женский облик. Сам топоним, в силу связи с выполненным на дереве рисунком, в селькупском языке получил название *поргэ мачи* «идолов лес». Существует также легенда о том, что когда-то подобные изображения селькупам посоветовал делать шаман, живший неподалеку. Есть и другая версия легенды, согласно которой первый «деревянный шайтан» был высечен самим шаманом.

К культовым топонимам в селькупском языке следует также отнести и места захоронения и смерти. Согласно данным ассоциативного эксперимента, проведенного А. В. Байдак [1], можно с уверенностью утверждать, что селькупы придавали особый, сакральный смысл этим местам.

В селькупских диалектах существует целый ряд терминов, обозначающих места захоронения: *лэ эт* «деревня костей» (где *лэ* «кость», *эд* «деревня»), *кызы маргэ* «чертов холм», *кымыль маргэ* «человеческий холм», *тэтты маргэ* «земляной холм», *пол кор маргэ* «деревянный холм» (букв. деревянный лабаз, амбар). Последнее название больше характерно для северного, тазовского, диалекта. Каждый из приведенных выше терминов содержит топоним «холм» или «деревня» как составной компонент названия. Исходя из данных селькупского языка, можно сделать вывод, что мертвые вызвали страх у людей, ведь они больше не принадлежали к миру живых, относясь к миру злых духов (мертвых) [11, с. 88].

Среди многочисленных культовых мест у селькупов можно выделить наиболее почитаемые, к которым относятся *Лозыль-лака* «священные мысы и горы», расположенные в верхнем притоке р. Таз, *Лозыль-мачи* «священные холмы» в верховьях Таза и некоторые другие.

Селькупы также называют эти святилища *кассиль тэтты* «жертвенная земля», «крещеное место», *кэты-сымыль тэтты* «необычная, мудреная земля» [17, с. 56, 71]. Кроме того, этимология данных названий указывает на их особые свойства: *кассиль* от *касси* – «бескровная жертва», «подарок» и *кэты-сымыль* от *кэты* – «чудо», «необычность», в некоторых случаях «мудрость». Последний термин, как утверждает Е. Д. Прокофьева [18], обозначал местности, которые не являлись обиталищем духов, но были примечательны какими-то особенными явлениями или событиями, с такими местами обычно связаны селькупские легенды и предания.

Значительную группу культовых топонимов в селькупском языке составляют и наименования водных объектов – гидронимы. Для селькупского этноса вода всегда имела сакральное значение. Согласно религиозно-мифологическим представлениям селькупов, суша находится в определенной оппозиции к пространству реки (водному пространству), где действуют совершенно иные законы и правила поведения, которые необходимо соблюдать.

Как и у ряда других народов Сибири, сакрализация рек, озер, водных источников у селькупов связана с мифологическими представлениями о *кошаре* (*кожаре*), или мамонте. По мнению Г. Н. Прокофьева [16], облик мамонта в сознании селькупов ассоциировался с обликом гигантского медведя, огромных шук или старых оленей, которые после смерти погружались в озера, превращаясь там в мамонтов и оставаясь там вечно. Е. Д. Прокофьева [18] объясняет свойственное селькупам уподобление мамонта медведю: например, в тазовском диалекте селькупского языка для обозначения «медведь» может быть употреблено как общеселькупское слово *коркы* (*коргы*), так и *лоз*.

Скорее всего, подобные представления о мамонте возникли у селькупов вследствие наблюдения реальных ископаемых останков данного животного, которые часто могут быть найдены при археологических раскопках на территории Западной Сибири, или же непонимания селькупам природы данного животного.

Селькупы верили, что мамонт (иногда трансформированный комплексный образ «медведь-мамонт») обитает на дне озер, которые они называли *пурулто* «озеро черной воды». Подобные озера считались опасными для передвижения вне зависимости от времени года. Следует подчеркнуть, что похожие представления о мамонте можно встретить в мифологии васюганских хантов [23; 26; 28; 29, р. 188].

Тазовские селькупы верят в *уткыль лоза* – «водяного духа», который, по их поверьям, обитает в некоторых озерах, топких болотах и глубинах рек. Своими очертаниями *уткыль лоз* напоминает огромного медведя. Одним из таких озер, где обитает *уткыль лоз*, считается *Нюнель-то* (Налимье озеро), находящееся в междуречье р. Таз и Енисея. В течение долгого времени селькупы остерегались жить в этом ареале, озеро по-прежнему считается культовым местом, о котором ходят легенды. Следует обязательно что-нибудь оставить на берегу озера – несколько монет, кусочек ткани, амулет. Это подарок, дань для *уткыль лоза*, чтобы человек мог дальше продолжать свой путь, и ему не угрожала опасность [13].

Термин *кошар* (*кожар*) широко отражен в селькупской гидронимии. Одно из озер на р. Таз называется *Кошарэ-то*. Имеется также еще несколько озер с составным компонентом *кошар* в верховьях Таза. По данным

Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых [16-18], на этих озерах селькупы остерегались ночевать, считая их культовыми местами. Проезжая мимо, они жертвовали щепотку табака, сигареты или кусок шкуры оленя. Иногда могли совершить кровавое жертвоприношение, убив на берегу озера оленя.

Селькупы никогда не ловили рыбу в почитаемых реках или озерах, но если все-таки возникала подобная необходимость, то сети устанавливались только возле берегов, и обязательно совершались бескровные жертвоприношения перед рыбной ловлей [18, с. 86].

Э. Г. Беккер [4], исследуя селькупскую топонимику, делает акцент на гидронимы, содержащие в себе морфему *ло*, которая в селькупском языке имеет ряд значений, а именно «черт», «шайтан», «дух», «дух хозяина», «ворожейская кукла», например: *Лозилки* «чертова речка», *Лози* «культовая река», *Лозунга* «чертова река», *Лозилга* «чертова река», *Лозилмадлу* «амбарчиковое озеро». В Туруханском районе Красноярского края имеется еще одно озеро, почитаемое селькупцами как сакральное, – это оз. Духовое. Компонентом всех приведенных выше гидронимов является селькупская морфема, имеющая культовое значение. Как правило, озера, имеющие в своем названии слова-компоненты «черт», «шайтан» или «мамонт», находятся сравнительно близко друг от друга. Селькупцами эта территория воспринималась как особая, где следует быть более внимательным и соблюдать определенные нормы и правила.

Существует немало легенд, повествующих о том, как люди тонут в этих водных объектах, пропадают в местных лесах, как приходят в негодность рыболовные снасти, что еще больше усиливает представления о сверхъестественности и опасности этих мест [18, с. 87]. Таким образом, в сознании селькупов закрепляется идея о необходимости в первую очередь получить разрешение у духа (хозяина озера), принеся ему небольшой дар. Только затем можно продолжать путь или приступать к рыбной ловле. В противном случае можно разозлить или вызвать гнев хозяина озера.

Значение некоторых культовых гидронимов позволяет получить информацию о состоянии или поведении человека возле данной реки.

К примеру, в кетском диалекте селькупского языка существуют гидронимы *Лагка-ло-кы* «река приведений» (от кетского *лакка* «привидение») и *Кетыль-кы* «волшебная река» (от кетского *кет* (*кед*) – «волшебство», буквальное значение гидронима – «волшебная река»). Можно сделать вывод, что в данных местах человека может что-то напугать, ему могут привидеться или почудиться какие-то образы. Здесь водные духи словно играют с человеком, не позволяя ему найти дорогу домой, не отпуская его, запутывая и сбивая с толку. Селькупы, зная о магических свойствах этих мест, старались обходить их стороной или же проявлять крайнюю осторожность [19, с. 95].

В селькупском языке существует небольшая группа культовых гидронимов, непосредственно связанных с религией этого народа, – шаманизмом. В жизни селькупского этноса шаманы играли исключительно важную роль, являясь духовными предводителями, врачами и советниками по многим важным вопросам. Общение и взаимодействие с миром духов осуществлялось лишь при помощи шамана. Настоящим шаманом мог быть только мужчина. Нередко шаманский дар передавался по наследству, от отца к сыну. Шаманы пользовались большим уважением и, как правило, обладали даром красноречия и богатым воображением. Шаман мог вести переговоры с духами о жизни и смерти, счастье и беде, он знал их волю [2, с. 74].

Американский исследователь шаманизма Р. Уолш [22, с. 126] отмечает, что часто шаманы в качестве места для проведения обряда выбирали именно берега рек или озер. Там они общались с духами, излечивали болезни, помогали людям советом. В качестве примера подобного селькупского культового гидронима приведем *Ладкалото* – «озеро, на берегу которого шаман совершает обряд». Как отмечает Э. Г. Беккер, данный гидроним принадлежит к группе топонимов с неясной, проблематичной этимологией. Весьма вероятно, в его составе присутствуют рефлексы языка шаманов или же древних прауральских форм, значение которых еще предстоит реконструировать [4, с. 96].

Как уже отмечалось выше, в селькупском языке существует немало топонимов, связанных с местами смерти и захоронения. Реки также играли очень важную роль в погребальном обряде селькупов. Однако гидронимов, связанных с погребальным обрядом, зафиксировано гораздо меньше.

Вот некоторые из них: тымские гидронимы *Кагалкиге* «могильная речка», *Кагай-кы* «могильная река» (от тымского *кага* «могила», «мертвец», «покойник», «старый труп», «кладбище») и *Кагал-кыге* «кладбищенская река» [1; 11, с. 90]. Исходя из названия последней реки, в ее низовье находилось кладбище селькупов. После похорон тело умершего уплывало вниз по течению реки к устью, где, по поверьям селькупов, находился «город мертвых». У каждой селькупской семьи было свое кладбище, которое всегда располагалось ниже по течению реки относительно деревни или поселения, для того чтобы мертвые не смогли подняться к живым против течения.

По мнению А. В. Байдак [1], река для селькупов была основной дорогой, соединяющей реальное и потустороннее пространства. Переправившись через устье реки, можно оказаться уже в ином мире – мире духов и, наоборот, найдя исток реки и перейдя через него, можно обратно вернуться в реальный мир.

В мифологической традиции селькупов река выступает в качестве своеобразного стержня Вселенной и пронизывает Верхний, Средний и Нижний миры. Устье реки *ак* – это место связи реального и потустороннего миров. В подавляющем количестве селькупских мифов мир описывается как бассейн двух рек – *Орлиной речки* и *речки Кедровки*, что соответствовало двум братьям селькупов. Эти реки имели общий исток и текли параллельно друг другу [19, с. 97].

Рассматривая селькупский фольклор, можно сделать вывод, что существует тесная взаимосвязь жизни главного сказочного героя и реки. Водное пространство словно сопровождает героя, отмечая важные вехи его

жизненного пути. Так, сказочный богатырь *Иття* появляется на свет в верховьях небольшой реки, где и проводит все свое детство. Его юношеские годы и процесс взросления связаны с выходом на среднее течение реки, в то время как в нижнем течении он совершает свои подвиги – борется с людоедом. Подобные сказочные сюжеты с героем *Иття* распространены у всех групп селькупов [7, с. 135-139, 154; 20, с. 206].

На современном этапе существования селькупского этноса представления о реке как исключительно важном объекте ландшафта несколько не изменились. Иногда само существование человека отождествляется с течением реки. Это отражено в материалах историка и этнографа Н. А. Тучковой: «Обь – это жизнь, а все остальное – это только около» [19, с. 98].

В заключение обратим внимание на диалектное распределение культовых топонимов: для тазовско-туруханского ареала характерно обилие топонимов и гидронимов с морфемой *ло* (и ее производными) в составе (*Лозыль-лака*, *Лозыль-мачи*, *Лози*, *Лозил-кы*). Данная морфема может также встречаться в названиях различных духов, богов, покровителей, в которых верят или боятся тазовские селькупы (например, *уткыль лоз* «водяной дух»). Еще одной особенностью тазовского ареала является наличие топонимов, функционирующих как святилище для бескровного (иногда кровавого) жертвоприношения, к примеру, *кассыль тэтты* – «жертвенная земля». Тымские культовые топонимы главным образом связаны с обрядом захоронения. Это особенно четко прослеживается в тымской гидронимии, поскольку именно низовья рек служили кладбищами (*Кагалкиге*, *Кагай-кы*, *Кагал-кыге*). Для кетского гео-диалектного ареала характерным является наличие культовых гидронимов с компонентом *лакка* «привидение» (*Лагга-ло-кы*) или *кет* (*кед*) «волшебство» (*Кетыль-кы*). Гидронимы или топонимы с подобной семантикой довольно редки в селькупском языке и более не обнаружены в других ареалах.

Несмотря на различное гео-диалектное распределение топонимов, бесспорным является тот факт, что культовые места имели особый статус в сознании селькупского этноса. В каждой из трех проанализированных диалектных групп, хоть и в разных пропорциях, но обязательно присутствует определенный «набор» культовых мест, характерный для данной территории: топонимы или гидронимы с морфемой *ло*, различные места жертвоприношений, места захоронения, «нечистые» места. Можно сделать вывод, что культовые представления селькупов гомогенны, а топонимы с подобной семантикой имеют обще-этническое, меж-этническое значение. Топонимы позволяют выявить ритуалы, значимые для селькупского этноса: захоронение, жертвоприношение, поклонение природным объектам, почитание «духов земли» и «духов воды», осторожное поведение в «нечистых» местах.

Таким образом, изучение культовых топонимов не только дает отчетливое представление о значимости определенных географических объектов для селькупов, но и позволяет воссоздать древнейшие мифологические представления народа. Различные легенды, предания, поверья, осуществление ритуальных действий подкрепляют в сознании селькупского этноса особый статус этих мест. На необычность таких мест указывают и селькупские лексемы со значением «черт», «шайтан», «дух», «дух хозяина», «ворожейская кукла», «могила» как компоненты топонимов.

Подводя итоги, нужно отметить, что селькупские культовые топонимы следует рассматривать не только как значимые точки ландшафта, но и как своеобразные основы, на которых строится модель Мира (Вселенной) в уральской мифологии. Подобный подход позволяет изучать топонимы во взаимосвязи с мифологией, культурой и историей, что открывает новые возможности для реконструкции фрагмента картины мира селькупского этноса.

Список литературы

1. Байдак А. В. Лингвокультурная репрезентация селькупской диады «жизнь-смерть»: дисс. ... д. филол. н. Томск: ТГПУ, 2011. 312 с.
2. Байдак А. В. Религиозные представления кетских самодийцев по экспедиционным материалам К. Доннера // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. № 4 (67). С. 70-76.
3. Беккер Э. Г. Селькупские топонимы Западной Сибири: дисс. ... к. филол. н. Томск: ТГПУ, 1965. 272 с.
4. Беккер Э. Г. Южносамодийские гидронимы Томской области // Топонимия Востока: новые исследования. М.: Наука, 1964. С. 95-97.
5. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: мифопоэтический образ пространства. М.: КомКнига, 2010. 240 с.
6. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
7. Быконя В. В., Ким А. А., Купер Ш. Ц. Сказки нарымских селькупов: книга для чтения на селькупском языке с переводами на русский язык. Томск: АО «Издательство НТЛ», 1996. 187 с.
8. Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 384 с.
9. Ким А. А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск: Изд-во НТЛ, 1997. 219 с.
10. Ким А. А. Селькупская культовая лексика как этнолингвистический источник: проблема реконструкции картины мира: дисс. ... д. филол. н. Томск: ТГПУ, 1999. 356 с.
11. Ким-Малони А. А., Байдак А. В. Принципы номинации селькупских посмертных жилищ в культурном контексте // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 7 (97). С. 88-93.
12. Морсо-Флорес А. К. К вопросу о семантической классификации религиозной лексики // Молодой ученый. 2012. № 5. С. 299-300.
13. Пелих Г. И. Селькупская мифология. Томск: Изд-во ТГПУ, 1998. 398 с.
14. Полякова Н. В. Особенности вербализации концепта «пространство» в селькупском языке в сопоставлении с русским языком: дисс. ... к. филол. н. Томск: ТГПУ, 2004. 159 с.

15. Полякова Н. В. «Особые места» в картине мира селькупского этноса // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 10 (125). С. 85-88.
16. Прокофьев Г. Н. Остяко-самодийцы Туруханского края // Этнография. 1928. № 2. С. 128-136.
17. Прокофьева Е. Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1977. С. 55-79.
18. Прокофьева Е. Д. Старинные представления селькупов о мире. М.: Наука, 1976. 263 с.
19. Тучкова Н. А. Традиционное мировоззрение селькупов // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе. 2009. № 3. С. 93-115.
20. Тучкова Н. А. Фольклорные тексты с героем Итя в собрании А. И. Кузьминой // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 2 (130). С. 205-208.
21. Тучкова Н. А., Байдак А. В., Максимова Н. П. Селькупы: очерки традиционной культуры и селькупского языка: монография. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. 318 с.
22. Уолш Р. Дух шаманизма. М.: Эксмо, 2013. 506 с.
23. Фильченко А. Ю. Полевые записи на материале васюганского диалекта хантыйского языка // Архив Лаборатории языков народов Сибири. Томск: ТГПУ, 1998-2005.
24. Хелимский Е. А. Самодийская мифология // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 124-189.
25. Хелимский Е. А. Селькупский язык // Языки мира. М., 1993. С. 356-380.
26. Черемисина К. П. Тайный язык символов в хантыйской культуре // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 1 (116). С. 140-143.
27. Яковлев Я. А. Географические названия Колпашевского района. Что они означают? Томск: Изд-во ТГУ, 2010. 182 с.
28. Filchenko A. Continuity and Change in Eastern Khanty Language and Worldview. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2005. 232 p.
29. Jordan P. Landscape and Culture in Northern Eurasia. California: Left Coast Press, 2011. 358 p.

THE SELKUP CULTIC TOPOLEXEMES AS SOURCE OF ETHNOS' MYTHOLOGICAL IDEAS RECONSTRUCTION

Tereshchenko Anna Vasil'evna
Tomsk State Pedagogical University
annadocuments1988@gmail.com

The article discusses the cultic toponyms of the Selkup language. The cultic toponyms that are constituents of toponyms are analyzed. Possible reasons for locality sacralization are revealed. The Selkups' mythological ideas related to the "sacred" points of landscape are explored. On the basis of linguistic, cultural, historical and ethnographic information a fragment of the linguistic worldview of the scanty Siberian ethnic group is reconstructed.

Key words and phrases: disappearing languages of Siberia; the Selkup ethnos; the Selkup language; toponyms; hydronyms; the Selkup cultic lexis; mythology; worldview.

УДК 908

Исторические науки и археология

В данной статье рассматриваются проблемы и перспективы развития археологического туризма в Белгородской области. Белгородская область может стать составной частью единого туристского пространства России, имеющей большие перспективы для развития археологического туризма, который в западноевропейских странах уже давно привлекает сотни туристов. Проанализировав развитие данного вида туризма, авторами сделаны следующие выводы: развитие археологического туризма в области будет способствовать экономическому и социокультурному развитию, притоку инвестиций в регион и развитию туристической инфраструктуры области, а также внесет существенный вклад в структурную перестройку региональной экономики.

Ключевые слова и фразы: развитие туризма; археологический туризм; Белгородская область; культурно-исторический потенциал; перспективы развития.

Харьковская Елена Викторовна, к. пед. н.
Белгородский государственный институт искусств и культуры
elena.xarkovskaya@mail.ru

Шварев Евгений Викторович, к. соц. н., доцент
Белгородская государственная сельскохозяйственная академия имени В. Я. Горина
sewer@bel.ru

ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ[©]

Эффективным средством удовлетворения досуговых потребностей населения в настоящее время является туризм. Современный туризм отличается разнообразием видов: экологический, деревенский, этнический,